

Мы забываем имена
Родных обыденных растений.
Никем не узнанные тени
Неслышно сыплют семена.

В проскоке дней, в смешеньи рас
Мы не умеем их окликнуть,
И стебель начинает никнуть,
Тот стебель, что питает нас:

Проросший от земных корней,
Из наших пращуров, из соли,
Из сказки русской, русской доли.
И как убить его верней?

Я никого не разбужу —
Продолжит время злую жатву,
Но как молитву или клятву
Слова уснувшие твержу.

ГВОЗДИ

Вода со звоном рушится в ведро,
И гулом откликается довольным,
Густым, патриархальным, колокольным,
Эмалью осиянное нутро.

Я поливаю старый огород —
Какие-то наивные посадки.

Питают рукотворные осадки
Мой благодарный маленький народ.

И вот: смотрю и вижу — хорошо!
Не рай, так, верно, задний дворик рая.
Ведро, сарай и гвоздь в стене сарая,
Забитый неумело, но с душой.

И нет у дня ни цели, ни краев.
Лишь только центр — макушка, сердцевина,
Лишь суть — комочек первородной глины
Под наносной породой в сто слоев.

Любой из нас живет в конце времен.
Но бьет в ведро вода, и зреют грозди,
И, в балку погружаясь, стонут гвозди,
Чтоб мир стоял. Чтоб не распался он.

* * *

Легкой бабочки полет
многотруден и упорен.
Он сродни пробивке штолен,
он безумством отдает.

Ветер веет над горой,
отъедая по крупинке.
Беспородные былинки
сращены с земной корой.

Горстка хрупких корешков,
клок травинок худосочных...
Землю в шар сшивают прочно
сонмы крохотных стежков.

По земле бредут стада —
рев быков и мек овечий.
Позабывшихся наречий
неоглядна череда.

Между бабочек в ветрах
и корней в горе могучей
люди сбились тесной кучей.
Неприкаянность и страх.

Разве только слабый свет,
да во тьме биенье сердца.
И в суглинке — легкий след,
если очень присмотреться.

ЧЕЛОВЕЧЕК

Какой нелепый человечек,
Смешно одетый человечек,
Побитый молью человечек
Живет у входа на чердак.

Его обувка кушать просит.
Он что ее, полжизни носит?
И вечно зябнет птичий носик —
И в холода, и просто так.

Когда проржавленная крыша,
Проеденная жизнью крыша
Под легким снегом сонно дышит
Или с дождем играет в го,

Он трех собак во двор выводит,
Под лай их радостный выходит,
О, как торжественно выходит!
И блещет лысина его.

Февраль. Вот он частит навстречу,
Нелепый жалкий человечек,
Топорща крылья или плечи,
Как ангел — в свой собачий рай.

Он скажет: «Здрасьте». Я отвечу.
...Смешной тщедушный человечек,
Такой ненужный человечек,
Пожалуйста, не умирай!

Пожалуйста, живи подольше,
Ты просто будь как можно дольше.
Читай о беспорядках в Польше,
Пей чудотворный варенец.

Постой минутку, дело срочно.
Нет, я не в шутку — это точно,
Откуда-то я знаю точно,
Что без тебя всему конец.

ПРЕДЕЛ

Зима — она обычно до весны,
Едва ли дольше.
Точно не навеки.
Прощальное парение листвы
Сменяет снег. И кажется, на веки

Ложится вдруг вся тяжесть снежной мглы,
Весь черный холод
Неизбежной ночи.

Скулит зима и тычется в углы
Глухих домов.
Как будто к людям хочет.

Войти. Забыть.
Забыться — и пройти!
Пройти дождем, тоску свою размыкать —
И как ты там поземкой ни мети,
Выходит, что дальнейшее
Не прихоть,
Но прочное устройство бытия.

Все ладно в нем — уходы и закаты.
А что несладки яства-пития,
Так небеса созвездьями богаты.

И значит, ночь — не только хлад и мрак,
И черный зев остывшего камина.
А родина — не просто список благ,
Отмеренных на душу гражданина.

И будет март больших и малых дел,
И время цвету, форме и звучанью.
И как отрадно знать, что есть предел —
Всему. Зиме. Безвременью. Молчанью.